

● Самым серьезным инцидентом «Крыльев»-2005 стало столкновение какого-то человека со змеей

НОВАЯ ГАЗЕТА. - 2005. - 28-31.07. - С.21

Филолог, музыкант, актер, пародист — настоящий человек-оркестр, принявший на себя образ городского скомороха. На театральной сцене он пытается реанимировать комедийный жанр. Московская клубная культура была бы неполной без его вечеров-конcertов-перформансов, а столичная пресса без текстов, подписанных — Псой Короленко.

Самая первая из написанных Псой песен, «Верую в Бога», жанра пародийно-религиозного, стала новостью этого лета в саундтреке свежего российского артхауса. Фильм «Пыль», ставший сенсацией ММКФ, на прошлой неделе вышел в столичный прокат. В этой гротескно-бытовой драме снялись многие представители андеграунда 90-х, к которым относятся и Короленко — через запятую по привычке.

Сам же он от «поколенческих» вопросов заметно скучнее. В отличие от иных забронзовевших неформалов Короленко и в «нулевом» культурном десятилетии остается действующим героем...

«У нас шутник
восприни-
мается не как
сатирик,
а как целый
Сатир»

В ожидании шутков

— Существует ли в современном российском обществе культура смеха и чем она отличается от западной?

— Свообразное отношение к смеху в русской культуре связано с различиями между восточным и западным христианством. Западное христианство относится к письменной книжной традиции, к авторитетному тексту неконвенционально, то есть с учетом его условности и неабсолютности. Отсюда возможность пародий, карнавализации, юмористического отношения к святыням. А в восточном христианстве отношение к смеху более строгое и непосредственное. Смех? Все, это уже дьявол. Пародия? Все, «ничего святого».

Но результат не в том, что у нас меньше смеются, а в том, что у нас фигура шутника становится значительнее. Он воспринимается не как сатирик, а как целый Сатир. В нашей культурной среде сильнее ощущается провокационный аспект смеха. Даже на героев «Аншлага» все равно поневоле отбрасывает тень этот мощный архетип Шута. А ведь есть у нас и серьезная, богатая традиция эстрадного юмора. Есть Райкин, в конце концов.

Наша культура всегда в ожидании шутков. Чем запретнее смех, тем ценнее и привлекательнее образ шута.

На Западе в целом сложилась менее авторитарная культура за последние века. Поэтому там не ощущается вибрация юмора, его градус — так невероятно, как в России. Там нет таких сверхожиданий от шутника, шута, нет таких разочарований, если он шутит несмешно.

— Чем вам так близки традиции скоморошества, балагана, фольклора?

— Они мне интересны как часть моей собственной личности. Это историческое зеркало, в которое я смотрю на себя, большое поле для экспериментов, большая степень свободы.

Я играл лубочного, кукольного чертика Моностаку, то есть мавра Моностака в детской шуточной версии «Волшебной флейты» Моцарта, в постановке антрепризы «Маленький мировой театр» под руководством Екатерины Поспеловой. Я играл самого себя в фильме Валерия Зеленского «Светские хроники» и поющего сектанта «брата Павла» в новом фильме Сергея Лобана и Марины Потаповой «Пыль».

Считаю себя поющим характерным актером. Больше всего мне подходит амплиа сумасшедшего, чудака, романтического безумца.

— Как вас только не называют в прессе: «молодежный филолог», «акын», «скоморох», «бродячий ученый», «постмодернист», «бодисингер», «шансонье». С каким из ярлыков вы категорически не согласны?

— Каждый из них шутливо отражает какую-то грань. Особенно мне нравится «бродячий ученый». Но я не согласен, когда меня называют постмодернистом. У меня совсем другие система ценностей, внутреннее чувство и импульс, диктующий мне творить что-то. Постмодернизм откачивается от целостности восприятия мира. А я как раз показываю эту цело-

Псой Короленко — о культуре смеха и несмешном в культуре

Псой на сцене — Арлекин и Пьеро в одном лице

стность. И говорю, что надо принять ее и не бояться при этом лопнуть.

— С кем вы, деятели андеграундной культуры?

— Я не считаю себя деятелем андеграундной культуры. Андеграунд, попса, мейнстрим — все эти и другие придуманные статусы-ярлыки целиком обусловлены сиюминутными контекстами. Это какие-то категории, которые меня совершенно не интересуют. Один и тот же текст может сегодня быть андеграундом, завтра классикой, послезавтра попсой. Тем более мой случай: я как раз последовательно и упрямо преодолеваю все эти границы, стараюсь выяснить их природу — и опровергнуть. А вопрос: «С кем мы, мастера культуры?» — был и остается праздным. Мы с Пушкиным.

— Последние полгода вы возглавляли отдел культуры в журнале «Огонек». Какие проблемы современной культуры вы считаете важнейшими?

— Вот мы как раз сейчас говорили о таком важном вопросе, как восприятие. Как достичь целостного, нерасщепленного сознания в культуре и конструктивной связи между культурными зонами. Чтобы воспринимать культурные феномены непосредственно, а не через условные понятия типа андеграунда. Меня интересуют примеры, которые в социологии культуры обозначаются словом *misrecognition* — недоразумение, незнание. Интеллектуалы должны подавать пример, как преодолеть этот комплекс. Выявлять во всех зонах культуры не только негатив (что всегда проще), но и позитив.

В «Огоньке» с января по июль была попытка посмотреть на культуру оптимистически, доверительно, поверх предрассудков, идиосинкразий...

● Беседовала
Александра ПОДОЛЬСКАЯ
Фото автора